

Александр Высотин

ВОЗЬМИТЕ СВЕТА МОЕГО

Эссе

Июнь-светозар — самый светлый месяц в году!

Рощи, озера, поля —
 Все наполняется светом.
 «Самые светлые дни» —
 Так безотчетно сказалось.
 «Самые светлые дни» —
 Эхом в душе отозвалось.

Самые светлые дни. Июнь взывает: возьмите света моего!

А если кто сумеет взять в свое сердце июньского света, не забыть бы да щедро поделиться им с другими, чтобы не получилось как в стихотворении уральского поэта Алексея Решетова:

Мы были в детстве много
 откровенней:
 — Что у тебя на завтрак?
 — Ничего.
 — А у меня хлеб с маслом
 и вареньем.
 Возьми немного хлеба моего...
 Года прошли, и мы иными стали,
 Теперь никто не спросит никого:
 — Что у тебя на сердце?
 Уж не тьма ли?
 Возьми немного света моего...

Ох, как чреватые часто повседневные житейские взаимоотношения между людьми. И мир между ними, даже худой мир — предпочтительнее, потому что тогда-то и приходит понимание:

Пока житейский круг не сужен,
 хотим мы или не хотим,
 любой из нас кому-то нужен,
 как этот мир необходим.
 Неразрешенные вопросы
 Без нас не будут решены.
 И чей-то крик, и чьи-то слезы
 от наших слов совершены.

Пока рассвет в окно стучится,
пока с природой мы в ладу,
спешите щедрости учиться
у каждой яблони в саду.

Ладить с природой июня, как вообще ладить с природой, спасительно, потому что, как подметил белгородский поэт Владимир Михалев, это вовсе незатруднительно, ведь —

Перевода природы не надо —
у природы особая речь...
Шорох спеющей ржи,
Шепот ночи,
вскрик рассвета в развилках дорог.
Яркой молнии ломаный почерк
и глубокий, и короткий.
Как вздох...
Говор грома и лепет раки...
И горит разноцветная радуга,
И на всех языках говорит!

Уместно прибавить июню-светозару и похвалу другого белгородского поэта:

Росой, что стрекает утрами,
Умылся июнь — хлеборост,
Какие безбрежные травы
Скрывают обилие гнезд!
В лесу на поляне — взгляни-ка!
С землею и солнцем в ладу,
Комочки огня-земляники
Зарделись у всех на виду...
Июнь мой! Со всеми ты ладишь,
В свету пребываешь все дни,
И только застенчивый ландыш
Красуется гордо в тени.

Загляденье — луга! Песней природы красуется дол полевыми цветами, золотистыми душистыми куртинами. Скоро здесь появятся косари, тракторы с сенокосилками, пресс-подборщиками, чтобы заготовить сено на зиму. О том, как различно оно, сено, от мест произрастания, поведал Владимир Даль, сам удивленный при толковании слова *сено*. Ибо, оказалось, что «сено — скошенная и прочахлая на воздухе трава, в корм скоту. Сено заливное, пойменное, луговое, степное, боровое, суходольное, болотное, бугровое, облоговое и пр.»

От июньского цветенья и время именуется то «пасечное» — с первых роев пчел, то «ягодное» — с красной земляники, то «цветоводческое» — с цветения колокольчиков-водосборов, жасмина, с расцвета роз... Есть у летних месяцев, начиная с июня, возможность исполнить просьбу хворых людей: «Исцелите мои раны, травы луговые!» И человеку не забывать бы исцелять раны, нанесенные им природе, житейской беспечностью прежде.

Луг цветущий — и надежная тропка к сердцам любимых:

К тебе я, нежному,
Бегу по лугу здешнему,
Чтоб преданней любить...

Сама же по себе июньская природа, способствующая чувствам и любви, ничего за самого человека не сделает. Если сами для себя влюбленные не постараются, то и чары июня не помогут. Именно об этом — стихотворение «Венок» Владимира Соколова:

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.
Пахнет травую на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей...
Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

По русскому календарю июнь — месяц зарниц. От них на родной земле нашей еще ароматно-душистее запахи русских летних ночей, которые сменяют самые длинные в году красные дни, межусая с ними самыми короткими белыми ночами...

Июнь в старину называли «Июнь Июльевич Август» с намеком, что июнь способен проявить себя и как последующие летние месяцы — июль, август.

В самом деле, июнь, первый месяц лета, может быть, особенно поначалу, и не ласков, и прохладен, и грозен. Неустойчивая погода, характерная для первых двух пятидневок, возможна из-за вторжения циклонов — уроженцев морей и океанов. При смене воздушных масс грохочут громы, сверкают молнии, поливают дожди, сыплет град. После временами могут бушевать и шквалистые ветры, вихри, смерчи. Такой невиданный смерч взревел в июне 1904 года, вырывая с корнем деревья, сметая на своем пути прочные строения, высасывая воду из рек. Обнажилось тогда и дно Москвы-реки. Погибли люди...

Чаще обломные вихри и беспощадные смерчи возникали в период летнего солнцестояния, как, например, случилось 18 июня 1900 года. И не только в летнее солнцестояние. Печальную память в календаре наблюдений за погодой оставил о себе день 27 июня 1937 года. И веками раньше было. 24 июня 1460 года «вельми страшна и грозна туча внезапно прииде с полуденной страны на град Москву, рвало хоромы и лес ломало...»

Но куда страшнее сверканий молний и проливных дождей, сечь-града и шквалистых ветров, обломных вихрей и беспощадных смерчей оказалось — 22 июня 1941 года:

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года...

Емко и жутко об «общей беде на всех, на все четыре года» в поразительно горестно потрясающем стихотворении известного поэта Татьяны Глушковой:

Все называется: война,
Все называется: «под немцем».
Под ним — и осень, и весна,
и две зимы, и та сосна,
и этот луг, и страх под сердцем,
и с петухами полотенце,
и горсть горящего зерна,
и в речке полная луна,
и соловьиное коленце,
и говорят: куда податься? —
повсюду — *он*, везде — *она*.

Эту общую беду на всех потомки попробуют рассмотреть через отдельные человеческие судьбы, отчего будет еще больше щемить сердце:

Ах, как я распахнуто сплю!
Как папу и маму люблю!
И лето гладит меня
Ладонью ушедшего дня...
Но лето не в силах помочь:
Уже ступает в права
Самая краткая ночь...
Самая белая ночь...
Как мамина голова
месяца через два...

Это поэт Юрий Влодов... То, как все мирно было в природе в тот роковой день, запечатлела в стихотворении «22 июня сорок первого» воронежская поэтесса Валентина Дубинкина:

Был зелен лес, а летний день безмерен.
И тихо плыли облака над степью,
Цвела картошка, а под ней желтел цветок
От тыквенных плетей...
То было утро — первый день войны.
И мы прощались с нашим ранним детством.
Сиротство ожидало нас и скорбь
Да жизнь с войною по соседству.

Как ни парадоксально, но она, война (конечно, лучше бы ее тогда не было, еще лучше, чтобы никогда не было) кое у кого кое-что поправила, проявив себя как «война промыслительная»:

Она его не позабудет —
На эту память хватит сил.
Она до гроба помнить будет,
Как собирался, уходил,
Как похоронку получила
И не поверила сперва,
Как сердце к боли приучила,
Нашла утешные слова...
И на года, что вместе были,
Она взирает снизу ввысь...
— А ведь уж как недружно жили!
Война — а то бы разошлись...

Не будь войны и страшной раны, князь Андрей Болконский (Л.Н. Толстой, «Война и мир») не увидел бы так объемно и так по-житейски повседневно обычное небо: *«Как же я не видел прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него»...*

Страшная суть Великой Отечественной войны, войны, слава богу, завершившейся Великой Победой, возвеличила Россию:

Над миром летело бессмертье твое.
И луч приникал к неостывшему следу,
И взгляд был не в силах принять пустоту...

Россию — и народы, ее населяющие, с надеждой, что:

Рожденные светом
Да вырвутся к свету —
На жертвенности,
На любви,
На лету.

Нам, и потомкам советских людей, и потомкам отчич и дедич, в День России, который теперь ежегодно отмечается 12 июня, остается последовать их примеру. Ведь потомки наши при разных судьбах своих, часто неблагоприятных, осознавали как общенародное дело защиту России, ее благополучие. Для них было лишь одно восприятие:

мать-и-мачеха
Россия —
планеты родненькой —
Цветок наш полевой.

